

Я. Н. ЛЮБАРСКИЙ

МИХАИЛ ПСЕЛЛ.
ЛИЧНОСТЬ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

(Некоторые итоги и проблемы изучения)

Михаила Пселла сравнивали с Шекспиром, Вольтером, Достоевским. Произвольные сами по себе, такие сопоставления лишь подчеркивают значение писателя, чье творчество составило эпоху в истории византийской литературы и общественной мысли. По масштабам византиноведческой науки Пселлу посвящена значительная литература,¹ однако все

¹ Современной полной библиографии работ о Пселле не существует. Литература до 1897 г. тщательно подобрана К. Крумбахом (K. K r u m b a c h e r. Geschichte der byzantinischen Litteratur, 2. Aufl. München, 1897, S. 441—444). Библиография Д. Моравчика, доведенная до 1956 г. (G. M o r a v c s i k. Byzantinoturcica, I. Berlin, 1958, S. 439—441), не учитывает многих статей и публикаций. Мы приводим список работ, не вошедших в библиографические списки К. Крумбаха и Д. Моравчика: E. M i l l e r. Les ambassades de Michel Psellos. — Comptes-rendus de l'Academie des Inscriptions, NS, III, 1867; P. T a n n e r y. Psellos sur la Grande Année. — REG, V, 1892; i d e m. Psellos sur Diophante. — «Zeitschrift für Mathematik und Physik». Hist. — liter. Abt., 38, 1893; R. S t a p p e r. Die summulae logicales des Petrus Hispanus und ihr Verhältniss zu Michael Psellos. — «Festschrift zum 1100 Iubiläum des Deutschen Campo Santo in Rom», 1896; F. B o l l. Psellos und das grosse Jahr — BZ, 7, 1898; A. J a h n. Michael Psellos über Platons Phaidros... — «Hermes», 1899; L. Sternbach. Ein Schmähgedicht des Michael Psellos. — «Wiener Studien», XXV, 1903; P s e l l o s. Περὶ παραδόξων ἀναγνωσμάτων. — «Revue de Philologie», XXVII, 1903; L. S t e r n b a c h. De Ioanne Psello. — «Eos», IX, 1903; J. B i d e z. Psellos et le Timée. — «Revue de Philosophie», 1905; J. D r ä s e k e. Psellos und seine Anklageschrift gegen den Patriarchen Michael Kerullarius. — «Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie», 48, 1905; A. P a r a d o r o u l o s - K e r a m e u s. Εἰς Κωνσταντῖνον Ψελλόν. — BZ, 15, 1906; A. M a y e r. Psellos Rede über den rhetorischen Charakter des Gregorios von Nazianz. — BZ, 20, 1911; A. P a r a d o r o u l o s - K e r a m e u s. Γρηγόριος ὁ θεόλογος κρινόμενος ὑπὸ Μιχαήλ τοῦ Ψελλοῦ. — ЖМНП, Н. С., 25, 1910; P. L e v y. M. Pselli de Gregorii theologi caractere iudicum ineditum. Leipzig — Beine, 1912; P. W ü r t h l e. Die Monodie des Michael Psellos auf der Einsturtz des Hagia Sophia. Paderborn, 1917; A. d' A l é s. À Byzance, Psellos et Céroulaire. — «Études publiées par les PP de la Compagnie de Jésus», 168, 1921; E. R e n a u l d. Histoire de Basile II, Traduite de la Chronographie de Michel Psellos. — «Mélanges G. Schlumberger», I. Paris, 1924; N. S i d e r i d i s. Psellos (pour le miracle des Blachernes). — «Ὁρθοδοξία». Constantinople, 1928; F. D r e x l. Zu Psellos. — BZ, 26, 1936; J. H u s s e y. The Byzantine Empire in the Eleventh Century. — «Transactions of the R. Historical Society», 32, 1950. После выхода в свет справочника Д. Моравчика литература о Пселле пополнилась следующими изданиями: P. P a r a e u a n g e l o u. Μιχαήλ Ψελλοῦ περὶ δαιμόνων. — «Γρηγόριος ὁ Παλαμάς», 41, 1958; P. J o a n n o u. Aus den unedirten Schriften des Psellos. Das Lehrgedicht zum Messopfer und der Traktat gegen die Vorbestimmung des Todesstunde. — BZ, 51, 1958; L. G. W e s t e r i n k. Exzerpte aus Proklos Enneadenkommentar bei Psellos. — BZ, 52, 1959; R. G u i l l a n d. Un compte-rendu de procès par Psellos. — BS, XX, 1959; L. B e n a k i s. Studien zu den Aristotels-Kommentaren des Michael Psel-

книги и статьи о византийском писателе, взятые вместе, вряд ли по своему объему превзойдут печатную продукцию о Шекспире, публикуемую за один год. Тем не менее уже сейчас интересно подвести некоторые итоги и рассмотреть тенденции в изучении творчества великого византийца.

Всякое изучение писателя возможно лишь при наличии издания его произведений. Более или менее активно сочинения Пселла стали публиковаться с 20-х годов прошлого столетия. Разбросанные в специальных изданиях, случайно выбранные, они не могли оказаться основой для сколько-нибудь надежных суждений об их авторе². Единственным относительно цельным сборником этого времени, не потерявшим поныне своего значения, является издание Ф. Буассонада³, где помимо демонологического сочинения, давшего название книге, содержится ряд интересных речей и трактатов писателя. Буассонад и другие издатели опубликовали только малую и не самую интересную часть наследия Пселла. Поэтому настоящим событием для византиноведения был выход в 1874 г. IV и V томов «Греческой библиотеки средних веков» К. Сафы⁴, куда вошло большое количество писем, речей и истинный шедевр византийской литературы — «Хронография» Пселла. Неудовлетворительное, изобилующее ошибками⁵ (не устраненными и во второй публикации Сафы⁶), это издание тем не менее позволило начать серьезное изучение творчества писателя. В 20-х годах нашего века Э. Рено вновь опубликовал текст «Хронографии»⁷. Три издания одного и того же текста в течение полустолетия — явление редкое, отразившее интерес ученого мира к этой жемчужине византийской литературы. Однако Рено не удалось устранить многих ошибок единственной дошедшей до нас рукописи исторического сочинения Пселла. Напротив, немало конъектур издателя неудачно, а во французском переводе встречаются натяжки и неточности⁸. Издание почти лишено комментария.

В те же годы появился сборник частично переизданных, частично опубликованных вновь сочинений Пселла по вопросам алхимии, метеорологии и демонологии⁹. Однако вторым по значению (после «Греческой библиотеки» Сафы) изданием была публикация в 1936—1941 гг. большого собрания писем и речей Пселла, до того времени большей частью оста-

los.— «Archiv für Geschichte der Philosophie», 43—44, 1961—1962; idem. Michael Psellos. Kritik an Aristoteles und seine eigene Lehre zur «Physis» und «Materie-Form» Problematik.— BZ, 56, 1963; D. P o l e m i s. Notes on Eleventh Century Chronology.— BZ, 58, 1965; A. G a r z y a. Un encomio del vino inedito di Michele Psello.— Byz., 35, 1965; A. G a r z y a. Versi e un opuscolo inediti di Michele Psellos.— «Le Parole e le idee», IV, 1966; D. I. K u t s o g i a n o p u l o s. «Н θεολογική σχέσις τοῦ Μιχαὴλ Ψελλοῦ».— ЕЕВЭ, 34, 1965; P. G a u t i e r. Monodie inédite de Michel Psellos sur le Basileus Andronic Doucas.— REB, 24, 1966; P. A n a s t a s i. Sull'epitafio di Psello per Giovanni Xiphilino.— «Siculorum Gymnasium», n. s. 19, 1966; Éd. des P l a c e s. Le renouveau platonicien du XI-e siècle: Michel Psellos et les oracles chaldaïques.— «Académie des inscriptions et belles-lettres». Comptes rendus, avril-juin 1966; A. G a r z y a. On Michel Psellos' Admission of Faith.— ЕЕВЭ, 35, 1966—1967; L. R i c h t e r. Des Psellos vollständiger kurzer Inbegriff der Musik in Mizlers «Bibliothek».— «Beiträge zur Musikwissenschaft», 9, 1967; Г. Г. Л и т а в р и н. Пселл о причинах последнего похода русских на Константинополь в 1043 г.— ВВ, XXVII, 1967.

² Большинство этих произведений было перепечатано Ж. П. Минем. (PG, t. 122).

³ M. P s e l l i De operatione daemonum, ed. F. Boissonade. Nürenberg, 1838 (далее — De oper. daem.).

⁴ C. S a t h a s. Bibliotheca graeca medii aevi, IV. Athenai—Paris, 1874; V. Venetia—Paris, 1876 (далее — Bibl. gr.).

⁵ См. рец. Е. Миллера: E. M i l l e r.— JS, 1875, p. 13—29.

⁶ См. The History of Psellos, Edited with Critical Notes and Indices by C. Sathas. London, 1899 и рец. Е. Курца: E. K u r t z.— BZ, 9, 1900, S. 492—515.

⁷ M. P s e l l o s. Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976—1077). Texte établi et traduit par E. Renauld, I—II. Paris, 1926—1928 (далее — Chronogr.).

⁸ См. рец. А. Грегуара: H. G r e g o i r e.— Byz., 2, 1925, 4, 1927/1928.

⁹ M i c h e l P s e l l o s. Epître sur le chrysopées et extraits sur l'alchimie publié par J. Bidez. Bruxelles, 1928 (далее — J. B i d e z. Epître...).

вавшихся в рукописи¹⁰. Весьма квалифицированное в отношении филологической обработки текста, это издание лишено, однако, исторического и реального комментария.

Публикация сочинений Пселла продолжается¹¹. Немало их еще остается в рукописи, немало разбросано по малодоступным изданиям, немало публикаций не удовлетворяет современным эдиционным требованиям. Детальное и всестороннее изучение наследия писателя станет возможным лишь после полного издания его сочинений, однако если бы византинисты ждали удовлетворительных публикаций всех текстов, к исследованию творчества большинства средневековых греческих авторов можно было бы приступить еще не скоро.

Изучению наследия любого писателя всегда предшествует установление биографических фактов, характеристика личности автора. Жизнь и карьера Михаила Пселла — приближенного и советчика шести императоров, первого философа и писателя эпохи, давно вызывали живой интерес ученых. Причина этого не только в уникальном количестве материала, позволяющем довольно подробно проследить жизненный путь писателя¹², но и необычайное своеобразие его личности. Именно благодаря этому обстоятельству, неоднократно отмечавшемуся многими исследователями, изучение личности Пселла вышло за рамки простого восстановления фактов из жизни писателя и стало представлять немалый интерес для воссоздания духовной, нравственной и политической истории Византии.

До издания в 70-х годах прошлого века основных произведений Пселла сведения о нем основывались главным образом на трактате ученого XVII в. Льва Алляция¹³ и носили приблизительный, а подчас и просто фантастический характер. Первая попытка воссоздать жизненный путь и облик Пселла принадлежит Сафе¹⁴. Греческий ученый систематизировал боль-

¹⁰ Michaelis Pselli Scripta minora magnam partem adhuc inedita, I—II, ed. E. Kurtz, Fr. Drexl. Milano, 1936—1941 (далее — Scripta minora).

¹¹ Публикации учитываются Д. Моравчиком в общем библиографическом списке; ср. наши дополнения в прим. 1. Наиболее значительное из изданий послевоенного времени — первая полная публикация энциклопедического сочинения компилятивного характера: Michel Psello s. De omnifaria doctrina. Critical Text and Introduction of L. G. Westerink. Utrecht, 1948.

¹² «Панегирик матери» помогает воссоздать детский и юношеский периоды жизни Пселла, «Хронография» и некоторые другие сочинения дают богатый материал для характеристики служебной карьеры и придворной жизни писателя. Однако нет почти никаких сведений о последнем этапе жизни Пселла. О к нчательно не решен поныне вопрос и о дате его смерти. Первые исследователи биографии писателя относят ее к 1077—1078 гг. (П. Б е з о б р а з о в. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М., 1890, стр. 122; В. R h o d i u s. Beiträge zur Lebensgeschichte und zu den Briefen des Psellos. — «Beilage zu dem Programme des königlichen Gymnasiums zu Plauen», V. Ostern, 1892, S. 4—12). Основанием для такой датировки служит главным образом соблазнительное, но не вполне достоверное отождествление Пселла с Михаилом из Никомидии, упомянутым Михаилом Атталиатом (M i c h a e l i s A t t a l i o t a e Historia. Bonnae, 1853, p. 296—297). Однако уже в 1894 г. А. Сонни на основании новой датировки «Диостры» Филиппа Монотропа, в рукописи которой содержится предисловие Пселла, установил, что в начале 1097 г. писатель был еще жив. С тех пор датировка Сонни стала общепринятой. Странным образом Рено (в предисловии к своей публикации «Хронографии» — I, p. XVI) с простой ссылкой на Г. Шлумберже говорит о 1077 г.; В. Вальденберг (Философские взгляды Михаила Пселла. — «Византийский сборник», 1945, стр. 250) без всяких оговорок относит смерть Пселла к 1078 г.; Г. Бек (H.-G. В е с к. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959, S. 359) высказывает сомнение в убедительности доводов А. Сонни и склоняется к старой дате — 1078 г. В недавней работе Д. Полемиса (D. P o l e m i s. Notes on eleventh-century chronology (1059—1081). — BZ, 58, 1965, S. 76) на основании анализа неопубликованной рукописи писателя устанавливается новый terminus post quem его смерти: октябрь 1081 г. Апрельем — маем 1078 г. датирует смерть писателя П. Готье. (P. G a u t i e r. Monodie inédite...). Спорным остается также вопрос о месте рождения Пселла. Последняя работа, касающаяся этого вопроса: P. J o a n n o u. Psellos et le monastère Tà Narpob. — BZ, 44, 1951, S. 282 f.

¹³ PG. t. 122, col. 477—536.

¹⁴ Bibl. gr., IV, p. XXX—CXII; V, p. II sq.

шой материал, постарался представить личность писателя на фоне исторических событий и культурной жизни того времени. Работа Сафы явилась, конечно, первым подходом к проблеме. Ученый допустил фактические ошибки, но главный недостаток его труда — слепое доверие к писателю. Ряд страниц исследования Сафы является близким к тексту пересказом Пселла, благодаря чему подчас теряется грань между исторической правдой и риторическими хитросплетениями византийца. Оценка личности Пселла носит чисто морально-правственный характер, как, впрочем, и почти все последующие суждения о писателе. После восторженных характеристик одаренности Пселла Сафа с сожалением замечает, что Пселл, живший в один из самых печальных периодов византийской истории, вращавшийся в испорченной атмосфере своей эпохи, не мог остаться безупречным. Наибольшие упреки Сафы вызывает политическая беспринципность и безудержная лесть Пселла императорам. «C'était de l'og en-croûté de toutes les ordures de son siècle», — заключает Сафа словами Вольтера характеристику писателя¹⁵.

Появившийся уже через год после выхода V тома «Греческой библиотеки» очерк А. Рамбо¹⁶ основывается на материалах, опубликованных Сафой, и не вносит почти ничего нового в оценку личности Пселла. Еще четче, чем Сафа, подчеркивает Рамбо характерность фигуры Пселла: «Это человек, в котором воплотились достоинства и недостатки греческого духа. Он обладал всеми пороками своего времени, но отличался от современников более высокими запросами».

Предисловия Сафы и особенно блестящий очерк Рамбо возбудили в ученом мире интерес к Пселлу. Следующая серьезная работа о писателе, принадлежащая перу русского ученого П. Безобразова¹⁷, явилась итогом многолетних серьезных исследований. Безобразов не только исправил допущенные Сафой ошибки, но, что особенно важно, привлек большое число неопубликованных (частично и поныне) произведений писателя.

Книга Безобразова — суровый приговор Пселлу. «Приступая к изучению Пселла, — пишет он в предисловии, — я считал его высокообразованным, талантливым и полезным деятелем, но чем больше я работал, чем пристальнее присматривался к его мемуарам, тем больше убеждался, что это не так». А вот и вывод, выраженный достаточно резко и определенно: «Пселл — тип преуспевающего византийца, добившегося высоких чинов лестью, низкопоклонством, цотворством животным инстинктам монархов, достигшего благосостояния выпрашиванием и взяточничеством, тип образованного сановника, меняющего убеждения, жертвующего правдой в угоду царю; это человек без принципов, без идеала, способный хвалить и бранить одно и то же, готовый обелять преступления, чернить добродетель, настоящий прелюбодей слова, печальное порождение печального времени»¹⁸. К сожалению, исследование Безобразова, и поныне не потерявшее значения, видимо, из-за «языкового барьера», далеко не всегда используется в западной научной литературе.

¹⁵ Bibl. gr., IV, p. CVIII.

¹⁶ A. R a m b a u d. Michel Psellos, philosophe et homme d'état byzantine au XIe siècle (перепечатано: A. R a m b a u d. Étude sur l'histoire byzantine. Paris, 1912, p. 111—177).

¹⁷ П. Б е з о б р а з о в. Указ. соч. К сожалению, П. Безобразов не довел до конца свой замысел и не опубликовал вторую часть исследования, где хотел подвергнуть анализу произведение писателя.

¹⁸ П. Б е з о б р а з о в. Указ. соч., стр. 194. Трудно сказать ныне, о чем думал ученый, когда в жандармской России конца прошлого века писал эти и подобные им строки. Видимо, не только Пселла и Византию имел он в виду, говоря, что не турки и не печенеги погубили империю, а «она сама себя погубила; погубили ее чиновники, не имевшие ничего общего с народом, видевшие в нем исключительно плательщиков, из которых следует извлекать как можно больше денег всякими способами, дозволенными и недозволенными» (там же, стр. IV).

Политический сервиллизм, неразборчивость в средствах — наиболее уязвимые стороны личности Пселла — надолго становятся объектом атак исследователей писателя. «Ни одна эпоха византийской истории, — пишет К. Крумбахер, — не была столь опасной для характера государственного деятеля, как этот период смены слабых и подверженных всем влияниям правителей. Пселл не поднялся на уровень тех требований, которые предъявляло к человеку подобное окружение... ползучий сервиллизм, неразборчивость в выборе средств, ненасытное честолюбие и безмерное тщеславие являются главными чертами его характера. В этом отношении Пселл — типичный представитель самой отвратительной стороны византизма»¹⁹. «Это было золото, замаранное всей грязью своего века», — еще раз относит к Пселлу слова Вольтера К. Мюллер — автор большого исследования об эпистолографии византийского писателя²⁰. «Легкомысленный, талантливый, но по сути своей совершенно циничный», — отзывается о Пселле Н. Йорга²¹.

Вместе с тем могучий талант и незаурядность личности заставили многих исследователей искать оправданий любимцу шести императоров, льстецу и предателю Пселлу. Как политик, признает К. Нейман²², Пселл играл весьма неблагоприятную роль, но как человек он принадлежал к тем «поразительным личностям, которые объединяют в себе черты различных эпох и культур». Занимая высокое положение при дворе, Пселл тем не менее не собирался служить никому и, как гуманист, хотел остаться свободным. Пселл, конечно, «продавал свое перо», однако он для К. Неймана не «прелюбодей слова» (П. Безобразов), а скорее фигура ренессансного типа, не вмещающаяся в рамки общепринятых моральных категорий и вольная использовать свой талант по собственной свободной воле.

Иные, более «личные» оправдания ищут для Пселла Б. Родиус²³ и Ш. Зервос²⁴. Автор интересного и во многих отношениях оригинального исследования Б. Родиус, хотя и упоминает о теневых сторонах политической деятельности и о моральной неполноценности Пселла, тем не менее явно находится под обаянием его личности. Ученый говорит о мягкости и податливости нрава, общительности и доброжелательности Пселла к людям. Признавая неблагоприятный характер ряда поступков византийца, Родиус не забывает отметить те случаи, когда Пселл находится на высоте положения (посольство к мятежному Исааку Комнину) или раскаивается в своем прежнем поведении (история с обвинением Михаила Кирулария). Преподавательская деятельность Пселла, проповедовавшего в условиях господства христианского мировоззрения эллинскую мудрость, способна вызвать у Родиуса преклонение перед интеллектуальным совершенством и мужественным духом писателя. Лицемерие Пселла — печальная уступка нравам эпохи. Однако всегда и во всем он остается «человеком страсти и первого порыва», ему свойственны душевная мягкость, чувство дружбы и т. д. Гораздо дальше в этом направлении пошел Э. Рено²⁵, чья книга появилась в один год с исследованием Ш. Зервоса. Проникновение в личность

¹⁹ К. К r u m b a c h e r. Geschichte..., S. 435.

²⁰ К. M ü l l e r. Epistolografie Michaela Psella. — «Listy filologické», 36, 1909, str. 208.

²¹ N. J o r g a. Medaillons d'histoire littéraire byzantine. — Byz., 11, 1926, p. 270; Подобных отзывов о Пселле немало. Ср., например, характеристику Ж. Биде (J. B i d e z. Epître..., p. 10).

²² C. N e u m a n n. Die Weltstellung des byzantinischen Reiches vor den Kreuzzügen. Leipzig, 1894, S. 82.

²³ B. R h o d i u s. Beiträge zur Lebensgeschichte..., S. 4—12; cf. H. S e g e r, in: BZ, 2, 1893.

²⁴ Ch. Z e r v o s. Un philosophe néoplatonicien du XIe siècle Michel Psellos. Paris, 1920, p. 71.

²⁵ E. R e n a u l d. Étude de la langue et du style de Michel Psellos. Paris, 1920, p. 404 sq.

Пселла необходимо Рено для решения вопроса об истоках стиля писателя, ибо «стиль — это человек», согласно знаменитому изречению Бюффона. «Душа Пселла чувствительна как у женщины и мягка как воск», — приводит Рено неоднократно повторяющуюся самохарактеристику Пселла. Что касается «моральной низости», «постоянной готовности к измене» и прочих аналогичных качеств, то это обычные свойства художников, воспитанных в уединенных занятиях, которые без подготовки и душевных сил в один прекрасный день очутились в мире, который не создан для них. Чудовищная спесь Пселла — это тот выкуп, который платит артистическая натура за свой талант, свою способность воспринимать любые ощущения, отвечать на все эмоции. Нетрудно заметить, что Рено конструирует образ средневекового писателя по шаблонной схеме «артистичной натуры», особенно распространенной в начале нашего столетия.

Если Нейман, Зервос, Рено и некоторые другие считали нужным искать оправданий морально-нравственным дефектам личности Пселла, то П. Иоанну, опубликовавший в последние годы ряд работ о писателе, полностью пересматривает распространенные представления и предлагает совершенно новую концепцию личности Пселла. В сравнении со своими предшественниками П. Иоанну обладает значительно большим материалом: в его распоряжении находится собрание писем и речей (*scripta mi-poga*), изданных в 1936—1940 гг. Кроме того, ученый привлек большое количество неопубликованных сочинений. Однако новизна взглядов П. Иоанну — не столько результат изучения новых данных, сколько следствие его общей концепции о мировоззрении и месте Пселла в истории византийской и мировой культуры.

Политическая изворотливость и моральная нечистоплотность, т. е. все то, что ставилось в укор Пселлу большинством биографов, Иоанну решительно называет легендой²⁶. Опровержению этой «легенды» служит его небольшая, но весьма обстоятельная статья²⁷.

Непосредственная цель работы — показать, какую роль играл в жизни Пселла монастырь Τὰ Νάρσοβ, и определить местоположение обители. Однако фактически статья представляет собой краткую хронику жизненного пути писателя. П. Иоанну подчеркивает в биографии Пселла не те моменты, когда тот выступал в качестве циничного придворного интригана, а, напротив, оказывался в роли опального и гонимого. Действительно, карьера Пселла не состояла из одних подъемов и взлетов — что часто игнорировалось исследователями. Однако неудачи даже самого изворотливого придворного никак не могут быть доказательством высоты его нравственного облика... Особое одобрение П. Иоанну вызывает последний этап жизни писателя (после 1063 г. — время его освобождения из монастыря). Пселл, по словам ученого, вел тогда истинно монашескую и достойную жизнь проповедника и наставника нравов. Но П. Иоанну не удалось развеять старую «легенду» о Пселле. Так, автор недавней статьи А. Михель²⁸, прекрасно знающий работы П. Иоанну, повторяет традиционную характеристику Пселла. Точно так же Р. Гийан в работе 1959 г. говорит, что мораль Пселла отнюдь не была на уровне его интеллекта — он обладал удивительной способностью приспосабливаться к обстоятельствам²⁹.

Как легко можно видеть, фигура Михаила Пселла вызвала немало

²⁶ P. J o a n n o u. Aus den unedierten Schriften des Psellos.

²⁷ P. J o a n n o u. Psellos et le monastère Τὰ Νάρσοβ.

²⁸ A. M i c h e l. Schisma und Kaiserhof im Jahre 1054. Michael Psellos 1054—1954. — «L'église et les églises». Chevetogne, 1954. Статья посвящена выяснению роли, которую играл Пселл в схизме 1054 г. Фактически ученый делает попытку восстановить жизненный путь писателя в 50-е годы. Работы об этом периоде жизни Пселла см.: Н.-Г. В е с к. йKirche..., S. 541, Anm. I.

²⁹ R. G u i l l a n d. Un compte-rendu..., p. 214: «Пселл возводил оппортунизм в принцип».

взаимоисключающих оценок: в представлении разных авторов он то развращенный циник без всяких признаков нравственности, то набожный учитель нравов, то женственная артистичная натура, то сильная личность ренессансного типа. Причина разногласия состоит прежде всего в разнице исторических концепций, политических взглядов и нравственных убеждений ученых. Однако возможность обнаружить в одном человеке столь различные и несовместимые качества кроется, безусловно, в своеобразии самой его личности.

Автор многочисленных научных и философских сочинений, носитель официального титула «ипат философов», Михаил Пселл привлекал внимание исследователей в первую очередь как мыслитель и ученый. К. Сафа, впервые получивший доступ к большому числу сочинений писателя, с восторгом характеризует Пселла как «островок образованности» в море невежества того времени, отмечает чрезвычайную любовь Пселла к наукам, видит его основную заслугу в возрождении в Византии эллинской мудрости и по философским воззрениям считает его платоником³⁰. Выводы Сафы — не результат анализа философии Пселла, а простое повторение того, что словоохотливый автор нередко писал о себе сам. Однако такая или примерно такая характеристика с тех пор долго сопутствует его имени в большинстве ученых и популярных изданий³¹. Особенно настойчиво исследователи подчеркивали пристрастие Пселла к философии неоплатоников и то предпочтение, которое философ отдавал полузабытому в Византии Платону перед признанным и почти канонизированным Аристотелем.

Первым монографическим исследованием философии Пселла явилась упомянутая выше книга Ш. Зервоса³². Пселл для французского ученого — отнюдь не «островок образованности в море невежества», а, напротив, сын эпохи культурного и интеллектуального подъема. «Македонский ренессанс» X—XI вв., по словам Зервоса, освободил искусство от сковывавших его догм, развил в человеке культуру чувства, принес с собой новую, более «личную» и свободную интерпретацию античности, где люди стали искать идеал красоты и истины. Этими новыми светскими тенденциями, по мнению Зервоса, оказались затронуты, кроме Пселла, не только насмешливый поэт Христофор Митиленский или историки Атталиат и Скилица, но и такие ярко выраженные христианские писатели, как Симеон Богослов, Никита Стифат и др. Пселл — не оригинальный философ, его заслуга не в создании новых идей, а в умении проникнуться духом прошлого. Неоплатоник в полном смысле слова, он стремился, однако, к созданию синтеза всех философских систем и всех культов, не исключая христианства.

Впрочем, христианское учение и теология в системе взглядов философа отнюдь не занимают доминирующей позиции. Если отцы церкви брали у неоплатоников лишь то, что согласовывалось с христианской догмой, то Пселл принимал неоплатонические взгляды в целом. Главное, что отличает Пселла от современных ему философов, — новый способ мышления (*une autre manière de penser*). Предпосылки его философии носят чисто научный, рационалистический характер; отсюда его преклонение перед разумом и отвращение ко всякой мистике и оккультизму³³. Если же Пселл иногда и объявлял языческую (древнегреческую) философию с ее рационалистическими основами недостаточной для познания истины, то делал это, лишь поддавшись обычному человеческому страху перед обвинениями

³⁰ Bibl. gr., p. XLVI sq.

³¹ См. напр.: J. D r ä s e k e. Zu Michael Psellos. — «Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie», 32, 1889; K. K r u m b a c h e r. Geschichte..., S. 432 f; B. R h o d i u s. Beiträge...

³² Ch. Z e r v o s. Un philosophe...

³³ В связи с этим Пселл противопоставляется Зервосом Иоанну Ксифилину и Никите Стифату, согласно которым истину можно постигнуть не путем рационального мышления, а благодаря озарению свыше.

в безбожии. Светское мировоззрение, ненависть ко всему, что сковывает человеческую мысль, «интеллектуальное язычество» приводит Пселла в конфликт с другими выдающимися умами эпохи по вопросу об оценке Платона и отношении к эллинской философии.

Вышедшая в 1920 г. книга Зервоса оказала большое влияние на оценки последующих исследователей. По сути дела, те же мысли, только в еще более энергичных выражениях, развивает Д. Хассей. Пселл — неоригинальный философ и последователь неоплатоников, но его рационалистические взгляды — полная противоположность клерикальным идеям того времени. Взгляды Симеона Богослова и Никиты Стифата и воззрения Пселла — это два полюса, символизирующих противоположность светского и клерикального мировоззрения³⁴.

По сути дела, распространением оценок Зервоса на демонологические теории Пселла явилась и книга К. Свободы³⁵. Рассматривая представления Пселла о демонах и их взаимоотношениях с человеческим родом, чешский ученый ищет истоки этих взглядов у Прокла, Ямвлиха, Олимпиодора и других неоплатоников. Подобно Зервосу, Свобода подчеркивает рационализм мышления Пселла и его скептическое отношение к оккультным наукам и халдейской премудрости. Свобода даже ставит под сомнение искренность заявления Пселла в «Хронографии», что он отказался от веры в оккультные науки «не с помощью науки, а благодаря вмешательству божественной силы». По мнению ученого, именно научный дух (*son esprit scientifique*)³⁶ отвращает философа от халдейского оккультизма.

Таким образом, согласно оценкам ряда исследователей, взгляды Пселла были высшим выражением светских тенденций в византийской общественной мысли. Открытие этих тенденций, да еще в таком крайнем воплощении, разбивало издавна установившееся мнение, что византийская философия представляла собой лишь комментированное изложение священного писания и сочинений отцов церкви. Вместе с тем восхищение «проникнутым эллинским духом» Пселлом не давало возможности заметить действительную сложность и противоречивость его взглядов.

Вместе с тем уже П. Безобразов настаивал на трезвой оценке философской позиции писателя. Прежде всего русский ученый отказывался признавать за Пселлом заслугу восстановления в правах философской системы Платона, полагая, что традиция Платона вообще никогда не прерывалась в христианской Византии. Более того, П. Безобразов не видел никакого своеобразия Пселла сравнительно с другими средневековыми авторами и в отношении философа к античности: как и прочие византийцы, Пселл разделяет все античное наследие на «приемлемое» и «неприемлемое» для христианского мыслителя³⁷. Позиция Безобразова как крайняя реакция на первые восторженные оценки «языческого философа» не нашла поддержки среди исследователей в ближайшие годы. Лишь в последние десятилетия, когда изучение философии Пселла вышло из рамок общих суж-

³⁴ J. H u s s e y. Church and Learning in the Byzantine Empire 867—1185. London, 1937, p. 72 f. Более сдержанно оценивает Хассей мировоззрение Пселла в статье: J. H u s s e y. The Byzantine Empire in the Eleventh century. В этой работе, однако, Хассей подчеркивает и полемически заостряет уже высказанную Зервосом мысль, что XI в. — период интеллектуального подъема в Византии и что деятельность Пселла необходимо рассматривать на фоне оживившейся культурной и литературной жизни.

³⁵ K. S v o b o d a. La démonologie de Michel Psellos. Brno, 1927.

³⁶ Через год после книги К. Свободы Ж. Биде в предисловии к упомянутому изданию высказал взгляды, совпадающие с рядом оценок чешского ученого. По мнению Биде, сведения Пселла о халдейских оракулах заимствованы главным образом из последнего до нас сочинения Прокла Л. Вестеринк (L. G. W e s t e r i n k. Proclus, Procorius, Psellos.— «Mnemosyne», III, Ser. 10, 1942, p. 275 sq.) полагает, напротив, что Пселл обращался не к Проклу, а к написанному против Прокла произведению Прокопия из Газы.

³⁷ П. Б е з о б р а з о в. Византийский писатель..., стр. 162 и сл.

дений, все большее внимание стало уделяться противоречивости и непоследовательности его взглядов, и стал блекнуть созданный Зервосом и другими образ «абсолютно светского» и даже «языческого» философа.

Уже Биде отмечал огромное количество противоречий в воззрениях Пселла. «Представитель ренессансного духа», рекомендуя наблюдать за природой и порицающий своих оппонентов за малейшее отклонение от истины, резко выступал в то же время против тех, «кого заставила отклониться от строгой ортодоксальности их живая любознательность»³⁸. «Пройдет еще немало времени, — пишет К. Прехтер³⁹, — пока удастся достигнуть во всех ее проявлениях такую сложную и отливающую разными цветами натуру, как Пселл». Немецкий ученый отмечает тяготение Пселла к мистическому и иррациональному и в то же время его стремление к абсолютно научному решению иррационального.

По-иному объясняет необычное соседство христианского интуитивизма с явным стремлением к рационализму В. Вальденберг⁴⁰: Пселл требует строго научного «геометрического» метода в постижении истины, в чем византийский философ сходен со Спинозой. Однако в одной области рационалистическое познание оказывается для Пселла совершенно неприменимым. Это — теология (*ἡ πρώτη φιλοσοφία* — «первая философия»), где возможно лишь внутреннее озарение, источником которого является божественная сила. Вальденберг указывает на то, что принцип познания истины (логическое доказательство или озарение свыше) для Пселла является основным критерием в классификации философских систем.

Таким образом, если, согласно Прехтеру, Пселл для объяснения иррационального применяет рационалистическое мышление, то, по мнению Вальденберга, философ строго подразделяет области рационального и иррационального.

Стремлением объяснить противоречия во взглядах Пселла проникнут и очерк, посвященный ему в «Истории византийской философии» Б. Гатакиса⁴¹. Поклонник античности и неоплатоник, Пселл жил в период подъема «эллинского духа» в Византии. Пселл — «великий и смелый, воплотивший в себе дух Ренессанса, создатель новой эпохи». Однако его величие — это величие эклектика и компилятора, который «отовсюду берет свое добро». Систематический анализ метафизики философа невозможен из-за ее ярко выраженного компилятивного характера. Пселл подвергает экзамену все прошлое человечества и везде, даже в оккультных науках, ищет элементы, которые дали бы ему возможность создать синтез всех систем мысли. В этом отношении Пселл — дальний предшественник Лейбница. Высшая цель духовной деятельности человека, согласно Пселлу, — это постижение «первой философии» (теологии и метафизики). При этом всякое знание (в том числе и «эллинистские науки») должны занять свое место на пути восхождения человеческой мысли к «первой философии». Вся греческая цивилизация для Пселла — подготовительная ступень к христианству, а кумир философа Платон и неоплатоники — «неосознанные» хри-

³⁸ J. B i d e z. *Epître...*, p. IX sq.

³⁹ К. P r a e c h t e r. Michael von Ephesos und Psellos. — BZ, 31, 1931, S. 12. Статья К. Прехтера опровергает высказанную Крумбахом мысль, что Михаил Эфесский был учеником Пселла. Метод последовательного сопоставления взглядов философов-современников, которым пользуется ученый, весьма плодотворен для выяснения своеобразия их мировоззрения: едва различимые ныне нюансы подчас оказываются выражением весьма существенных в свое время расхождений.

⁴⁰ В. В а л ь д е н б е р г. Указ. соч. Статья Вальденберга полемически заострена против распространенных представлений о византийской философии как единой и лишенной направлений, насквозь проникнутой спиритуализмом и мистицизмом. В. Вальденберг, однако, оставил без внимания большое количество сочинений Пселла, имеющих значение для характеристики мировоззрения философа.

⁴¹ В. T a t a k i s. *La philosophie byzantine*. Paris, 1949, p. 161—210.

стианс. Таким образом, главное, что придает единство эклектической системе Пселла — это стремление примирить эллинскую науку с догмами христианской религии. Однако и это единство весьма относительно, ибо, хотя Пселл и считает теологию главной наукой, однако способ, каким он использует эллинскую философию, показывает что именно последней он отдает истинное предпочтение.

Главное, что берет Пселл из «эллинской мысли»⁴² — это ее рационализм и детерминизм. Все сущее управляется «свойственными его природе законами и каждое явление имеет свою причину»⁴³. Как и эллинские мыслители, византийский философ видит в Демиурге «внешнюю причину» и в то же время для каждого явления ищет «причину непосредственную». Однако причинность всего сущего вовсе не означает, что любая причина может быть познана. В этом утверждении Татакис видит проявление ограниченности рационализма Пселла.

Мы сочли нужным более или менее подробно изложить оценки Татакиса преимущественно потому, что они, включенные в общий очерк византийской философии, представляют собой синтез результатов, достигнутых наукой в 20—40-е годы. Согласно этой утвердившейся концепции, неоплатоник Пселл, чья философия буквально соткана из противоречий, ни в коей мере не самостоятельный мыслитель, однако он сыграл неоценимую роль в истории византийской общественной мысли, ибо возродил «эллинский дух» и провозгласил светское направление в науке и философии.

Суждения о мыслителях прошлого зависят, разумеется, не только от того, что думали эти философы, но и от того, каких воззрений придерживаются сами их исследователи. Не случайно поэтому изложенная выше концепция подверглась критике со стороны ученых — византинистов католического направления. Уже в 1936 г. в статье «Словаря католической теологии» М. Жюжи выступил против попыток представлять Пселла безбожником и утверждал, что в отношении к религии философ был типичным средневековым схоластом⁴⁴. Пселл клялся в своей ортодоксальности и не мог быть гуманистом в позднем смысле этого слова, заявлял М. Михель в статье, помещенной в сборнике, посвященном 900-летию разделения церквей⁴⁵. Однако свое полное выражение и историко-философское обоснование эта тенденция получила в работах П. Иоанну. Если уже в статье о Пселле и монастыре Та Нартоу⁴⁶ Иоанну оправдывал Пселла-человека, то вышедшая в 1956 г. его книга «Христианская метафизика в Византии»⁴⁷ содержала «реабилитацию» Пселла-философа. «Чем выше культура, — декларирует Иоанну, — тем выше ее метафизическая мысль. Византия как страна самостоятельной культуры не могла не обладать и самостоятельным мировоззрением»⁴⁸. Если другие ученые видят в Пселле прежде всего философа, «проникнутого эллинским духом», возродившим в христианской Византии эллинскую мудрость, то Иоанну ищет в Пселле самостоятельного мыслителя в вопросах метафизики. Иоанну признает великолепное знание Пселлом античного наследия, более того, он допуска-

⁴² Как подчеркивает Татакис (B. T a t a k i s. La philosophie..., p. 199), Пселл, аналогично другим неоплатоникам, провозглашает единство эллинской мысли и утверждает, что различие направлений греческой философии — лишь видимость: все школы философов лишь дополняли самую совершенную доктрину Платона.

⁴³ Bibl. gr., V, p. 477.

⁴⁴ M. J u g i e. Dictionnaire théologique catholique, 13. Paris, 1936, p. 1149.

⁴⁵ A. M i c h e l. Schisma...

⁴⁶ См. выше, стр. 73.

⁴⁷ P. J o a n n o u. Christliche Metaphisik in Byzanz, I. Die Illuminationslehre des Michael Psellos und Johannes Italos. Ettal, 1956. Книга представляет собой анализ теорий Пселла и его ученика Итала о космосе и душе («метафизика космоса» и «метафизика души»).

⁴⁸ Ibid., p. 4.

ет, что византийский мыслитель пользовался даже отдельными методами древней философии. Однако в целом античность чужда византийцу. Даже такой незыблемый для всех исследователей тезис как неоплатонизм Пселла греческий ученый подверг ревизии. Главное — не то, на каких мыслителей древности опирался философ, а то, как он использовал их теории. При всем внешнем сходстве Пселла с древними (особенно неоплатониками), решения, которые он предлагал для основных философских проблем, были не языческими, а христианскими (сравним мнение Пректера, что Пселл даже к решению проблем иррационального подходил с рационалистических позиций!). Итак, добрый христианин в жизни, Пселл и в философии был вполне ортодоксальным мыслителем, создателем оригинальной метафизической системы.

Стремясь лишить взгляды Пселла всяких античных корней, Иоанну подверг новому рассмотрению (после специальных исследований Свободы и Биде) и демонологические теории философа и не нашел никаких причин возводить их к воззрениям неоплатоников: все необходимые «сведения» о демонах Пселл мог почерпнуть в византийской литературе (главным образом в «Житиях святых») ⁴⁹.

Новая позиция, которую занял в оценке философского наследия Пселла П. Иоанну, вызвала решительные возражения Иванки ⁵⁰.

Автор рецензии категорически отрицает самостоятельность философских воззрений Пселла, считая, что все «новаторство» византийской философии вообще сводится лишь к оживлению тех или иных отвергнутых философских понятий древности. Главный смысл книги П. Иоанну Иванка видит в обнаружении античных источников теорий Пселла, тогда как для самого Иоанну работа по обнаружению источников имела чисто вспомогательное значение.

Напротив, точка зрения П. Иоанну нашла не только одобрение, но и дальнейшую разработку в недавних статьях Л. Бенакиса ⁵¹, который, исследуя неизданный комментарий Пселла к «Физике» Аристотеля, приходит к выводу, что византийский философ глубоко и объективно излагал воззрения древнего мудреца. Последняя из работ Бенакиса касается уже собственных суждений Пселла. Основной вывод ученого — самостоятельность позиции византийского мыслителя в решении основных философских проблем, поставленных в «Физике» Аристотеля. В отличие от античного философа, природа (φύσις) для Пселла не является «самостоятельным принципом», а есть сила, привносимая в предметы извне божественной волей. Специально изучая содержание использованных Пселлом понятий υός, φύγί, φύσις, Бенакис считает, что их трактовка у Пселла отличается как от трактовки Аристотеля, так и от трактовки неоплатоников ⁵². Ученый полностью солидаризируется с П. Иоанну в том, что сходство Пселла с неоплатониками носит чисто внешний характер.

Как можно было убедиться, Пселл-мыслитель вызвал не менее противоречивые оценки, чем Пселл-человек. Он оказывался страстным поклонником античности и заурядным средневековым схоластом, вольнолюбивым светским мыслителем и ортодоксальным христианином, старательным компилятором и создателем оригинальной метафизической системы. Как и

⁴⁹ См. P. J o a n n o u. Les croyances démonologique au XIe siècle à Byzance. — «Actes du VIe Congrès International d'Études Byzantines», I. Paris, 1950.

⁵⁰ См. рец.: E. V i v a n k a. — BZ, 51, 2, 1958, S. 381—382.

⁵¹ L. B e n a k i s. Studien zu den Aristoteles-Kommentaren des Michael Psellos. I. Ein unedierter Kommentar zur Physik des Aristoteles von Psellos; II. Die Aristotelischen Begriffe Materie, Form nach Michael Psellos. — «Archiv für Geschichte der Philosophie», 43—44, 1961—1962; i d e m. Michael Psellos Kritik an Aristoteles und seine eigene Lehre zur «Physis» und «Materie-Form» Problematik. — BZ, 56, 2, 1963.

⁵² Лишь в трактовке понятия материя (ύλη) Пселл, согласно Бенакису, строго следует Аристотелю.

при оценке личности Пселла, многообразие мнений — далеко не только результат разных исходных позиций ученых.

Пселл принадлежал к числу писателей, которые часто и охотно декларируют свои взгляды и суждения, откровенно говорят о своем характере и привычках. Однако обилие материала не облегчает работы исследователя. Ученый, стоящий в оценке Пселла на любой точке зрения, без труда может увеличить число аргументов в защиту своей позиции. Остановимся на важнейшей для оценки Пселла проблеме: кем был писатель, ортодоксальным мыслителем и скромным христианином, как утверждает П. Иоанну, или вольномыслящим философом и светским человеком, как полагают Зервос и его сторонники.

Еще П. Безобразов отмечал⁵³, что Пселл старательно разделяет «эллинскую мудрость» на приемлемое и неприемлемое для христианина. Особой похвалы писателя заслуживает Иоанн Ксифилин за то, что он разграничил «не нашу» (т. е. эллинскую) философию на две части и одну из них «вышлевывал как яд», а другую «принимал как пищу»⁵⁴. Вообще все греческие учения следует, по Пселлу, перетолковать на христианский лад. «Если вы сделаете это, — обращается он к своим нерадивым ученикам, — то из горького моря добудете питьевую воду... вы вознесете свои души на высоту горьких эллинских учений, вы заставите их, грубые и неблагозвучные, издавать нежную и приятную мелодию и из лживых струн услышите сладкозвучную песню»⁵⁵. Напрасно Зервос, защищая идею «светского Пселла» утверждает, что философ нигде не отдает предпочтения теологии перед другими науками. Как и для всего средневековья, философия для Пселла *ancilla theologiae*⁵⁶. Философ спешит заверить, что хотя он и изучал все науки, но никогда не пользовался теми из них, которые отвергаются теософами⁵⁷.

В сочинениях Пселла нетрудно найти высказывания, свидетельствующие об общей теологической концепции мира у философа. «Все в жизни зависит от божественного промысла и решения, и ничего нет неразумного и непредопределенного. За всем следит неусыпное око, которое щедро воздаст за земные лишения и страдания», — утешает он ослепленного Романа Диогена⁵⁸.

«Философ — рационалист и сторонник чисто научных методов», по определению большинства исследователей, Пселл заявляет в «Хронографии»: «Я называю философами не тех, кто исследует сущность вещей (*τὰς οὐσίας τῶν ὄντων*) и ищет основы мира (*τὰς ἀρχὰς τοῦ κόσμου*), пренебрегая основами своего спасения, но тех, кто презрел мир и живет со ставшими выше его»⁵⁹. Совершенно недвусмысленно Пселл провозглашает идеалы аскетической жизни вдали от мира. Неоднократно в его письмах высказывается желание вести монашескую жизнь и сожаление о тихом монастырском бытии⁶⁰. С особым благоговением описывает

⁵³ См. выше, стр. 80.

⁵⁴ *Bibl. gr.*, IV, p. 456, cf. *Scripta minora*, I, p. 441, sq.

⁵⁵ *De oper. daem.*, p. 152—153.

⁵⁶ *Scripta minora*, II, p. 124: *χαρακτηρίζομεν καὶ τὴν φιλοσοφίαν ἀπὸ τῆς θεολογίας*. Сам Пселл, по собственным словам, наибольшее внимание уделял изучению священного писания (*Chronogr.*, I, p. 138).

⁵⁷ *Chronogr.*, II, p. 77.

⁵⁸ *Bibl. gr.*, V, p. 317; cf. *Chronogr.*, I, p. 152: «Не по нашей воле происходят события, но есть некая иная высшая власть (*τις ἕξωθεν κραταιότερα ἀρχή*), которая по своей воле направляет жизнь...».

⁵⁹ *Chronogr.*, I, p. 73. О примате веры над научным мышлением пишет Пселл и в другом месте «Хронографии» (*Chronogr.*, II, p. 77—78). Искренность этого заявления философа подвергли сомнению К. Свобода (см. выше, стр. 80) и Рено (*Chronogr.*, II, ad loc.).

⁶⁰ См. *Scripta minora*, II, p. 194; *Bibl. gr.*, V, p. 271.

он аскетическое подвижничество матери, превратившейся к концу жизни почти в бесплотный дух⁶¹.

Портрет «богобоязненного христианина» дополняют многочисленные пассажи из сочинений, где автор старается представить себя в виде смиренного, сознающего свое ничтожество человека. «Не возноси меня в письмах своих,— обращается он к адресату,— не тщись доказать, что я, глупый и неученый, ничтожный червь среди людей (как говорит пророк) выше тебя, истинного мудреца и знатока»⁶².

Приведенные нами примеры можно было бы легко умножить. Следует, однако, остерегаться принимать законченный и искусно нарисованный облик ортодоксального христианина за истинное лицо Пселла. Достаточно даже беглого чтения нескольких его произведений, чтобы увидеть совершенно иного Пселла. Сейчас, после работ Зервоса и его сторонников, излишне приводить многочисленные высказывания писателя о его страсти к науке и образованности, о том глубоком почтении, которое он испытывал перед античной культурой. Кроме того, сами по себе эрудиция в античном наследии и его использование в эпоху после Фотия не были чем-то необычным. Интересней другое: эмоциональное отношение философа к античной древности. Как для эллинофила любой эпохи, географические античные названия звучат для Пселла как музыка⁶³. Подобно западным гуманистам, Пселл нередко сопоставляет окружающую его действительность с античными образцами и в них ищет эталоны для своих оценок. Причем, современность кажется философу явной деградацией по сравнению с древностью. «Как и во многом другом,— пишет Пселл протасикриту Епифанию Филарету,— не повезло нам с панафинейми и панэллениями, нет у нас ни Перикла, ни Фемистокла; варварский язык, прежде находившийся в загоне, ныне расцвел... В Аретузе нет теперь нимфы, водяные струи не омывают ее тела...»⁶⁴

Однако самым замечательным свойством Пселла является его умение в какие-то моменты проникнуться столь чуждым официальному христианству «эпикурейско-горацианским» духом: неоднократно осуждает он крайности аскетизма, чрезмерная набожность также вызывает его осторожное порицание⁶⁵, нередко он подчеркивает свою земную природу. «Бесстрастие и неумолимость» (*τὸ ἀπαθεὶς καὶ ἀθελκτον*),— пишет Пселл,— хороши в делах божественных, для земной жизни эти качества непригодны⁶⁶. А вот и вовсе неожиданный для средневекового христианского автора пассаж: «...Теперь же давай и пошутим,— заканчивает Пселл письмо своему покровителю и другу кесарю Иоанну Дуке,— забудем о монашеской жизни и обычаях. И я нечто подобное испытал в молодости, и меня пленяли косые глазки и отнюдь не белоснежная кожа. Их обладательницу я полюбил больше, чем иных «прекрасноликих» и «розовоперстых». Узнаешь страсть? Видишь свой лик в моем зеркале? Ведь ты, как и я, сотворен из праха»⁶⁷.

«Я человек,— вторит Пселл в другом письме к неизвестному адресату,— душа моя соединена с телом, поэтому радость мне доставляют как

⁶¹ Bibl. gr., IV, p. 33—36.

⁶² Scripta minora, II, p. 25; cf. De oper. daem., p. 171 sq.; Bibl. gr., IV, p. 338; V, p. 372; Scripta minora, II, p. 58.

⁶³ «Ты любишь не только сами Афины, но и афинские названия, звучание которых подобно музыке» (*ὡς τινὰ κἀκείνων μουσικῆν περὶόντων ἤχῳ*),— пишет Пселл человеку, влюбленному в древний город и обратившемуся к философу с вопросами о его географии (De oper. daem., p. 44). Ср. Ch. Z e r v o s. Un philosophe..., p. 221.

⁶⁴ Bibl. gr., V, p. 431.

⁶⁵ Chronogr., II, p. 48.

⁶⁶ Ibid., I, p. 75.

⁶⁷ De oper. daem., p. 175.

мысли, так и ощущения»⁶⁸. Если же кто-то и ставит душу выше тела, тот блажен, но ему, Пселлу, этого не дано. Пселл умеет ценить преходящие радости человеческой жизни: дружбу и легкое веселье: «По нраву я и Демокрит и Гераклит, то смеюсь, то печалюсь»⁶⁹. В другом письме философ сообщает: «Таков мой нрав. Я испытываю удовольствие от общения со своими сверстниками, учеными мужами, отменными людьми, если же приходит время для радостей, «бедро из лохмотьев являю». Я не занимаюсь пустой болтовней, но как приправой пользуюсь речью, которая убажжает слух, и, мешая серьезное с приятным, потчую собеседников этой смесью...»⁷⁰ Писатель защищает право друзей насмеяться друг над другом и, сравнивая дружбу и любовь, пишет, что мелкие ссоры возбуждают страсть больше, чем поцелуи⁷¹.

И уж истинно «гораццианские» мотивы звучат в письме, адресованном, видимо, кесарю Иоанну Дуке, который удалился от дел и ученых занятий и увлекся охотой. Сначала Пселл слегка журит адресата, но затем признает прелесть бездеятельной жизни и заканчивает свое послание таким образом: «...Не пощадит нас коса смерти, а раз завтра предстоит умереть, мирно наслаждайся нынешним днем» (... ἀλλ' οὐδὲ ἡμῶν ὁ θεριστῆς φείδεται ὡς οὐκ αἴριον τὴν νῆσομενος, εἰρηρικῶς τῆς ἐφ'εστῶσης ἡμέρας ἀπόλαυεν)⁷².

Любящий досуг в кругу людей и умеющий пользоваться радостями жизни, Пселл отнюдь не склонен ставить себя на одну доску с окружающими его людьми. Исследователи уже отмечали весьма необычное для христианского автора самомнение Пселла. Тот же самый писатель, который в порыве самоунижения именуется неученым и ничтожным, в других своих сочинениях предается почти неправдоподобному хвастовству. Основным предметом его гордости оказывается ученость и риторическая изощренность речи. Именно за эти качества «весь мир уступил ему первенство»⁷³. «Я известен в любом доме, в любом селе, в любом городе и меня как Поэта [Гомера.— Я. Л.] приписывает себе то Хиос, то Самос, то какая-нибудь другая страна Европы»⁷⁴. Подобные высказывания, разбросанные по многим сочинениям, говорят не только о чудовищном тщеславии их автора. Они свидетельствуют об отказе Пселла от традиционной маски христианского смирения, столь характерной для византийских историков и агиографов, о возросшем самосознании Пселла как писателя⁷⁵.

⁶⁸ Scripta minora, II, p. 187. Сравнивая в энокмии Константину Лихуду «жизнь священную» (βίος ἱερατικὸς) и «жизнь гражданскую» (βίος πολιτικὸς), Пселл делает вывод, что «прекрасное присуще как тому, так и другому образу жизни» (τὸ γὰρ καλὸν ἐπίσης ἀμφοῖν τοῖν βίοις προτίθεται) (Bibl. gr., IV, p. 410). Сам он явно удручен перспективой ухода в монастырь, хотя неоднократно писал о прелестях монашеской и аскетической жизни (Chronogr., II, p. 65 sq.).

⁶⁹ Scripta minora, II, p. 123.

⁷⁰ Ibid., p. 224—225, cf. Bibl. gr., V, p. 411: заверив адресата письма в своем благочестии, Пселл добавляет — «... в то же время я буду заниматься философскими рассуждениями и буду с веселым сердцем общаться с друзьями, на языке моем будут шутки и веселье; не стану пренебрегать я и женщинами...». Ср. письмо Пселла к великому друнгарю Константину (Bibl. gr., V, p. 323—324), которого писатель хвалит за то, что на его свадьбе серьезное было смешано с веселым. «И у меня, — заканчивает Пселл, — веселая и падкая до удовольствий душа». Ср. также насмешливое, чем-то напоминающее горациевы сатиры письмо кесарю Иоанну Дуке (De oper. daem., p. 117—120). Вот его краткий пересказ: У меня украли золото. Теперь я, наконец, стал свободным и истинным философом, правда, мне жалко денег. Золотом нельзя пренебрегать. Ведь даже Зевс являлся к Данае в виде золота. Все это я пишу без определенной цели. Просто хочу доставить тебе удовольствие.

⁷¹ См. Bibl. gr., V, p. 467. «Ты отвергаешь развлечения, — пишет в другом письме Пселл, — но ведь они одни, примешанные к нашей жизни, делают ее веселой» (Bibl. gr., V, p. 245).

⁷² Ibid., V, p. 409.

⁷³ Ibid., V, p. 352.

⁷⁴ Ibid., V, p. 339.

⁷⁵ Ср. Я. Л ю б а р с к и й. Мировоззрение Анны Комнины. — УЗ Великолукского Гос. пединститута, вып. 24, 1964, стр. 168, прим. 48.

Свободомыслие Пселла проявляется не только в выборе сферы его интересов, не только в его жизненной позиции, но и в самом кардинальном для любого христианского философа вопросе о роли божественного промысла в человеческой жизни.

Уже Татакис отмечал, что Пселл отводит Демиургу роль лишь внешней причины и придавал большое значение «причинам ближайшим»⁷⁶. Однако Пселл более точно разграничивает сферу действия промысла и свободной человеческой воли: «Не все находится в нашей власти, не все делается по нашей воле, мы зависим не только от свободного выбора (οὐδὲ τῆς προαιρέσεως μόνης ἀπρωρήμεθα). Есть иная, высшая сила, влекущая нас, куда ей вздумается... нами движут два начала: промысел и свободный выбор. Где обе эти силы совпадают, там достаточно одного промысла. Я имею здесь в виду свободный выбор, который движет нас к благу и превозмогает противоположное [благу.— Я. Л.]»⁷⁷.

Свободный выбор человека играет, следовательно, весьма существенную роль, и действие божественного промысла может полностью осуществиться лишь в тех случаях, где ему соответствует направленный ко благу свободный выбор. При таком толковании становится ясным и другое высказывание Пселла, касающееся интересующей нас проблемы: «Я склонен приписать божественному провидению управление значительными событиями (περὶ τῶν μεγάλων διοικήσεως), более того — я отношу за его счет и все остальное, если только наша природа не извращена (μη παρατραπίσης ἡμῖν τῆς κατὰ φύσιν ἕξεως)⁷⁸. Иначе говоря, ход событий целиком определяется промыслом лишь тогда, когда этому не противодействует извращенная человеческая природа, свободный выбор которой, прибавим мы на основе предыдущих слов писателя, направлен ко злу. Интересно, что под «свободным выбором» Пселл понимает полусознательные, полунстинктивные побуждения человека⁷⁹. В житейской морали и практическом поведении Пселл также не склонен преувеличивать роль божественной воли. Он приписывает себе, например, следующие увещания, обращенные к Константину IX, который целиком полагался на божественную защиту и отказывался принимать какие бы то ни было меры предосторожности: «...Никто из них (имеются в виду архитектор, кормчий и военачальник.— Я. Л.) не отказывается от упований на бога, но один строит согласно определенным правилам, другой направляет корабль с помощью руля, а люди военные имеют при себе щит и меч...»⁸⁰

Допустив несколько тенденциозный подбор высказываний и самооценок, мы привели примеры разительных противоречий во взглядах и характере писателя. Список подобных противоречий, касающихся уже более частных вопросов, можно было бы легко продолжить. Так Пселл, неоднократно осуждавший всякие занятия астрологией, хвалит увлекающегося этой наукой Константина Мономаха⁸¹. Обладатель «женственной и мягкой как воск души», не выносящий даже вида телесных страданий, Пселл пишет какому-то судье, отправляя ему своего нотариуса: «Если он (нотарий.— Я. Л.) станет плохо служить, высеки его хорошенько, преподай урок его бокам»⁸² и т. д.

В свое время обилие сочинений на самые неожиданные темы заставляло ученых высказывать догадки, что существовал не один, а несколько

⁷⁶ См. выше, стр. 82.

⁷⁷ Bibl. gr., IV, p. 444—445.

⁷⁸ Chronogr., I, p. 71.

⁷⁹ «... Свободный выбор исходит не от ума, а является чем-то средним между мыслью и желанием, он не есть ни то, ни другое, как бы не мысль и не хотение» (Bibl. gr., V, p. 445).

⁸⁰ Chronogr., II, p. 34.

⁸¹ Bibl. gr., V, p. 134.

⁸² Scripta minora, II, p. 94.

писателей, носящих имя Пселл. Чрезвычайная пестрота взглядов, мнений и обликов, в которых Пселл является своему читателю, способна вызвать подозрение, что подобное многообразие не может заключаться в одном человеке. Порой создается впечатление, что Пселл — личность без внутреннего ядра, что в нем заложена возможность почти к бесконечному перевоплощению, что в принципиальном отсутствии твердой позиции и состоит позиция писателя. Такие фигуры, как известно, закономерное явление в условиях деспотии, когда подлаживание под чужие взгляды и вкусы оказывается единственным надежным средством удержаться на поверхности. А ведь Пселл, любимец и доверенный шести императоров, даже для обогащенного историческим опытом XX в. — явление незаурядное. Склонный подчас к откровенным излияниям (а искренность для писателя — тоже своего рода позиция), Пселл сам не раз говорит о необходимости постоянного приспособления к власти имущим⁸⁵.

Непрерывное притворство и видоизменение, своеобразный «протезизм»⁸⁴ — не только практическая житейская позиция неразборчивого в средствах царедворца, но и своего рода георетический фундамент многих этических, философских и литературных взглядов Пселла. В оценках человеческого характера Пселлу свойствен определенный диалектизм⁸⁵. Согласно его воззрениям, человек — существо изменчивое. Непостоянство, способность к метаморфозе неоднократно отмечает Пселл как характерные черты и своего нрава: «...Не суди меня строго, если я покажусь тебе слишком суровым... я сразу же изменю свой облик (μεταμορφώσομαι)», ведь я ничем не хуже тех животных, которые меняют свой вид»⁸⁶. Или в другом месте: «Признаю, что я существо изменчивое (ζῷον ἀλλοιωτόν), необычайное смешение несовместимых свойств (κράμα καὶνόν, ἐξ ἀναρμόστω συνελθόντων)⁸⁷».

Особое восхищение писателя вызывает умение приспособливаться к обстоятельствам и людям. «Бог сотворил твою душу мягкой, как воск, — обращается Пселл к Константину Мономаху, — так что она приспособливается ко всему, принимает любой вид и легко настраивает себя на любую речь»⁸⁸. А вот характеристика Зои (жены Михаила IV): Как наиболее искусные риторы, умела она настраивать себя в соответствии с лицами или обстоятельствами (τοῖς προσώποις καὶ τοῖς καιροῖς μεθ'ηρμοζέτο)⁸⁹.

Сравнения Зои с искусными риторами не случайно. Теоретические воззрения Пселла на риторику базируются в основном на позднеантичных риторических трактатах. Среди заимствованных византийским философом положений античной риторической школы особое место занимает учение о различных типах (ἰδέαι) речи и о соответствии ее условиям произнесения. Еще Дионисий Галикарнасский утверждал, что оратор должен быть своего рода Протеем, меняющим свой облик⁹⁰. Эта же мысль в той

⁸³ См., напр., рассказ о шутливой сцене, устроенной одним из фаворитов на потеху Константину IX. «И самое страшное, — заканчивает повествование Пселл, — это то, что мы понимали этот фарс (τὴν ὑπέκρισιν). Поражать же его — куда там! Мы стали жертвой неразумия императора и вынуждены были смеяться тогда, когда надо было плакать» (Chronogr., II, p. 40).

⁸⁴ Образ вечно меняющего свой облик бога Протея не раз встречается у Пселла, чаще всего в «положительном» контексте. Так, Пселл благосклонно характеризует одного монаха, рекомендуя его своему адресату: «Многообразен этот муж и не менее Протея склонен к преображениям» (Scripta minora, II, p. 250). Ср. ниже прим. 90.

⁸⁵ Эта интересная проблема нуждается в специальном рассмотрении.

⁸⁶ Bibl. gr., V, p. 330.

⁸⁷ Ibid., p. 506.

⁸⁸ Ibid., p. 109.

⁸⁹ Chronogr., I, p. 62.

⁹⁰ Сравнение оратора с Протеем, видимо, было известно Пселлу. В послании к Иоанну Дуке, восхищавшемуся письмами философа, Пселл пишет, что он будет продолжать писать Иоанну, но не станет поступать, как Протей, принимающий вид то одного, то другого зверя. Впрочем, далее Пселл уподобляет себя кифаристу,

пли иной форме неоднократно повторяется и Пселлом. Ораторское искусство, утверждает писатель, заключается не только в умении сочетать друг с другом слова, но и в том, чтобы изменять речь в соответствии с характером обстоятельств и применяться к лицам.. Именно так поступали, продолжает он, Лисий, Демосфен, Лонгин, Приск, Никагор⁹¹. Особой похвалы Пселла заслуживает за это и Симеон Метафраст, приспособляющийся к людям и обстоятельствам (πρός τε τὰ πρόσωπα καὶ τοὺς καιροὺς μεθ' ἁπορρόζεται) ⁹². Причем приспособлявать следует не только стиль (λέξις) речи, но и ее смысл (διάνοια)⁹³.

Таким образом, похвальная, с точки зрения писателя, способность человека к приспособлению и видоизменению для хорошего ратора оказывается уже обязательным качеством. Из массы положений позднеантичных риторических теорий, воспринятых Пселлом⁹⁴, именно тезис о «приспособляемости» повторяется с наибольшей настойчивостью и оказывается чуть ли не основным критерием оценки литературного творчества (в энциклопедии Симеону Метафрасту). Умение занять произвольно избранную позицию (а отнюдь не только словесные хитросплетения) и составляет основное содержание понятия риторизма византийской литературы. Такое умение, с точки зрения Пселла, наиболее ценное качество писателя. Приспособляемость самого Пселла столь велика, что по некоторым его произведениям (особенно по письмам и речам) легче судить о характере их адресата, чем автора⁹⁵.

Сказанное выше способно породить определенный скептицизм при оценке возможности из массы противоречивых высказываний вывести какое-то представление о собственном мировоззрении Пселла. Пестрота мнений, однако, лишь затрудняет работу исследователя, заставляет его решительно отказаться от наиболее распространенного и наименее надежного метода — подбора цитат из автора на ту или иную тему⁹⁶.

Прежде всего, нельзя считать равноценными все суждения писателя. Как любое деспотическое государство, Византия обладала идеологией, признание которой (искреннее, полуискреннее, а то и лицемерное) было одинаковой обязанностью каждого подданного.

Существовали в Византии и строго узаконенные нормы поведения, опиравшиеся на писанные и неписанные государственные и религиозные установления. Поэтому для характеристики индивидуального мировоззрения и человеческого облика византийца интересны прежде всего не общепринятые излияния в верности ортодоксально-христианским идеям и этическим нормам, а мысли, так или иначе выходящие за их рамки. В обстановке принудительной унификации мышления и нравственных норм сама позиция светского мыслителя, которую неоднократно занимал Пселл, значит несравненно больше, нежели все заверения в верности господствующим идеям. Поэтому его многочисленные благонамеренные высказывания, отмеченные учеными от П. Безобразова до П. Иоанну, не могут играть роль решающих доказательств.

меняющему мелодию, когда его слушатели пресытились старой (De oper. daem., p. 182).

⁹¹ Scripta minora, II, p. 36.

⁹² Ibid., I, p. 101.

⁹³ Bibl. gr., IV, p. 338.

⁹⁴ См. А. Мауег. Psellos' Rede über den rhetorischen Charakter des Gregorios von Nazians. — ВЗ., 20, 1911.

⁹⁵ Так, например, большинство писем, где выражены «эпикурейские» идеалы Пселла, адресованы образованному вельможе, знаменитому интригану и своего рода средневековому bon-vivant'у кесарю Иоанну Дуке (см. о нем: В. L e i b. Jean Doukas, César et moine, son jeu politique à Byzance de 1067 à 1081. — «Analecta Bollandiana», 68, 1950).

⁹⁶ Этот метод, как мы видели, уже приводил разных исследователей к совершенно противоположным выводам.

Кроме того, чрезвычайно большое значение для характеристики мировоззрения мыслителя, живущего в обществе со стандартизированной идеологией, имеют нюансы, отличающие его от других философов и писателей его времени. Почти все, писавшие о Пселле, отмечали важность его полемики о Платоне, где столкновение по частному вопросу о признании древнего мудреца явилось, безусловно, отражением противоречий между светским и ортодоксально-церковным мировоззрениями. Однако более подробного сравнения взглядов Пселла и других авторов того времени произведено пока не было⁹⁷. Между тем, в произведениях Пселла можно обнаружить следы полемики с неназванными лицами, способные помочь в выяснении его собственной позиции.

Сделанные подчас мимоходом полемические выпады Пселла, уже в силу своей непринужденности, подчас могут дать больше, нежели развернутые декларации, обусловленные нередко внешними причинами. Приведем наиболее характерные из полемических замечаний Пселла.

В одном из своих произведений Пселл отвечает какому-то человеку, спросившему его о том, кто из христианских философов лучше всего владел слогом и есть ли среди них достойные Лисия и Демосфена. Назвав имена тех христианских писателей, которые могут выдержать сравнение с античными риториками, Пселл продолжает: «...Я не соглашусь с теми, кто, выступая в качестве судей тех и других (т. е. античных и христианских философов и риториков.— *Я. Л.*), следуют предвзятому мнению (τῷ ἐαυτοῦ βουλήματι κατακολουθήσαντες) и выносит свой приговор не в соответствии с достоинством каждого (οἱ πρὸς τὸ ἐκάστον μέτρον), но перенося свою ненависть с учения эллинов на их литературу, относится к ним с ненавистью и с готовностью принимает своих (т. е. христианских писателей.— *Я. Л.*) и как чуждых отвергает других (т. е. писателей эллинских — *Я. Л.*)»⁹⁸

Пселл совершенно недвусмысленно высказывается здесь против тех, кто в ослеплении христианским благочестием отказывается признать древнегреческую культуру.

Еще более резкий выпад в тот же адрес он допускает в энкомии, посвященном Иоанну Мавроподу. Иоани, пишет Пселл, не был похож на многих, кто ныне занимается наукой. Но не был он похож и на других, которые ее презирают и считают излишней премудростью (περὶ τὴν σοφίαν). Они как бы приобрели нашу (т. е. христианскую.— *Я. Л.*) образованность и не нуждаются ни в чем не нашем (имеется в виду, конечно, античная образованность.— *Я. Л.*). Для того чтобы полемичность противопоставления Мавропода другим ученым современникам не укрылась от слушателей, Пселл заключает фразу прямым обращением: «Слово мое к некоторым из тех, кто так полагает». И уже непрекрываемое раздражение звучит в его словах, когда он советует не презирать образованность (разумеется, античную) и не делать нашу (т. е. христианскую) науку предлогом для своего небрежения и легкомыслия⁹⁹. Все это не оставляет сомнений в том, что речь идет о существенных расхождениях между сторонниками светской образованности и ее противниками.

Отражение этого спора можно найти также в уже упоминавшемся энкомии Пселла Метафрасту: «Я знаю, что многие пользующиеся речью с софистическими целями и занимающиеся науками не одобряют сочинений Симеона Метафраста. Эти углубленные в излишнюю премудрость (οἱ περὶ τὴν σοφίαν) желают, чтобы писали напоказ (πρὸς ἐπίδειξιν),

⁹⁷ Исключение составляет лишь статья К. Прехтера, где сопоставлены взгляды Пселла и Михаила Эфесского (K. P r a e s c h t e r. Michael von Ephesus).

⁹⁸ De oper daem., p. 125.

⁹⁹ Bibl. gr., V, p. 152 sq.

а не для пользы и исправления нравов»¹⁰⁰. Будучи энкомиастом Симеона, Пселл в данном случае защищает церковного писателя от упреков его светских хулителей. Однако интересно, что он не подвергает сомнению сами их претензии, а просто утверждает, что глубина философского содержания сочинений Симеона соединена с красотой формы.

Кроме полемики по общим проблемам отношения к античной (в конкретных условиях Византии XI в.— светской) образованности, у Пселла встречаются отклики споров по более частным, но не менее характерным вопросам. Так, например, Пселл не раз защищал перед неназванными оппонентами право изображать телесную красоту своих героев. «Пусть никто, — заявляет он, — не обвиняет меня в том, что я позорю философию, если решаюсь восхищаться красотой тела (εἰ τι σόφρατος κάλλος θαυμάζειν προήρηται). Если писание и не ценит телесную красоту, то оно не отвергает природу саму по себе, а лишь для того, чтобы, восхищаясь ею, мы не чуждались высшего. Если смотреть на материальный мир духовным взором и испытывать к нему влечение, лишённое страсти, то это не только не предосудительно, но чрезвычайно похвально»¹⁰¹. Как известно, вопрос об отношении к человеческому телу всегда разделял сторонников христианско-аскетического и гуманистического мировоззрений. Poleмика вокруг этой проблемы нашла отражение и у Пселла.

Однако наиболее четко собственная позиция Пселла выступает, по нашему мнению, в послании патриарху Михаилу Кируларию¹⁰². Автор противопоставляет себя Кируларию, причем внешний пиетет к знаменитому патриарху не может скрыть самолюбования в защите Пселлом своих позиций. «Ты — небесный ангел... я же разумная природа, соединенная с телом (φύσις λογική μετὰ σῶματος ...). «Я — человек, существо изменчивое, необычайное смещение несовместимых свойств... Ты же один из всех неколебимый и неизменный, человек иной природы, чем я...». «Знания свои я приобрел и понемногу собрал... ибо я много времени провел с книгами... я изучил философию и отточил свою речь софистическим искусством... У тебя же мудрость и божественное знание из других источников... ты не занимался философией, не беседовал с книгами, не общался с философами, ни с эллинскими, ни с варварскими..., но знания и мудрость появились у тебя сами по себе». «...Ничто из моих достоинств не может тронуть тебя, ни слова мои, ни ритм моей речи, ни благопристойный характер, ни философское расположение духа, ни простота и обыденность нрава... Ты равно владеешь тайной и высшей мудростью (ἀπόρητον καὶ τελεστικὴν σοφίαν), но не знаешь той, что приобретается благодаря образованию и размышлению... Но мое кресло возвышенно и величественно не менее твоего... Не привлекай на помощь мой язык, ты не можешь заниматься богословием, излагать каноны и творить иные божественные дела...». И далее: «Я люблю — ты ненавидишь, я несу мир — ты вражду, я жалею людей — ты их отталкиваешь от себя, я славословлю — ты поносишь...»

В изображении Пселла Михаил Кируларий — озаренный божественной мудростью, но малообразованный человек, натура жестокая, непримиримая и суровая к людям. Напротив, Пселл — широкообразованный, мягкий инисходительный. Пселл уважает (во всяком случае внешне) позицию патриарха, но явно предпочитает свою.

У нас есть большие, чем в иных случаях, основания доверять искренности этих излияний. Это доверие определяется не только тем, что Пселл пишет письмо, и его мнение меньше, чем в официальных или полуофици-

¹⁰⁰ Scripta minora, I, p. 102.

¹⁰¹ Ibid., p. 149; cf. Bibl. gr., IV, p. 308.

¹⁰² Bibl. gr., V, p. 508 sq.

циальных жанрах, определяется внешними обстоятельствами. В послании к патриарху он не применяется, как во многих других случаях, к адресату, а противопоставляет себя ему.

Рассмотрение мировоззрения Пселла с учетом отмеченной нами изменчивости и непостоянства его суждений заставляет вернуться к выводу, согласно которому византийский писатель представлял собой тип светского мыслителя и человека и в борьбе ортодоксальных и либеральных течений того времени занимал весьма радикальную позицию.

Установление общей философской и человеческой позиции Пселла в идейной борьбе его времени должно быть, однако, не конечным итогом, а скорее предпосылкой подробного и конкретного анализа мировоззрения и личности писателя. Важнейший вопрос, стоящий перед исследователями — выяснение степени оригинальности и самостоятельности Пселла как мыслителя и человека. Как уже отмечалось, большинство ученых отказывают Пселлу в самостоятельности на том основании, что значительная часть его философских сочинений представляет собой компиляцию из античных и христианских источников. Однако обнаружение фактов заимствования само по себе недостаточно: необходимо выяснить, что заимствуется и как используется заимствование. Но единственный ученый, поднявший эту проблему (П. Иоанну), исходил из постулата о христианско-ортодоксальном мировоззрении писателя и поэтому нередко тенденциозно подбирал и истолковывал факты. Поэтому плодотворный сам по себе метод Иоанну не привел его, с нашей точки зрения, к верным результатам.

Если метафизические теории Пселла сравнительно активно обсуждались в ученой литературе, то другие стороны его мировоззрения пока еще не привлекли почти никакого внимания. В первую очередь это относится к политическим взглядам писателя. Все писавшие о нем молчаливо исходят из предположения, что природный лысец и приспособленец Пселл вряд ли мог иметь какую-нибудь особую политическую концепцию. Лишь Б. Рубин отметил, что критика Пселлом императоров носит, в отличие от большинства других византийских историков, не стереотипно-традиционный, а оригинальный характер¹⁰³.

Не в лучшем положении находится и изучение литературно-эстетических взглядов Пселла. Занимавшиеся этим вопросом Э. Рено и А. Майер¹⁰⁴, как правило, не идут дальше возведения отдельных теорий Пселла к античным источникам. Между тем, как политические, так и литературно-эстетические взгляды Пселла во многом оригинальны, и их изучение может дать немало для воссоздания идеологии и художественных вкусов византийского общества XI в.

Важно, с нашей точки зрения, также следующее. До сих пор ученые, как правило, не учитывали того факта, что писатель прожил долгую и богатую событиями жизнь и, согласно его собственным словам, был человеком постоянно меняющимся. Изучение личности и мировоззрения как чего-то единого и постоянного в отношении большинства авторов античности и средневековья оправдывают обычно скудостью материала. Для Пселла такой подход неправомерен. Но для того, чтобы определить эволюцию его взглядов и личности, необходимо точнее датировать как можно большее число его произведений¹⁰⁵.

¹⁰³ В. R u b i n. Zur Kaiserkritik Ostroms. — «Studi Bizantini e Neellenici», 7. «Atti del VIII Congresso Internazionale di studi Bizantini», I, 1953.

¹⁰⁴ E. R e n a u l d. Étude de la langue..., p. 434 sq.; A. M a u e r. Psellos Rede...

¹⁰⁵ Не датированы в первую очередь многочисленные письма Пселла. Если для писем, изданных Сафой, датировки предлагались (Б. Роднусом, К. Мюллером и др.), то для писем, опубликованных во втором томе Scripta minora, таких попыток почти не делалось. Весьма полезным было бы составление в хронологической последовательности списка произведений Пселла и летописи его жизни, но это возможно лишь после опубликования всего литературного наследия писателя.

И наконец, совершенно обязательно изучать личность и мировоззрение Пселла не изолированно, а в системе идейно-политических, религиозных, литературных связей, противоречий и конфликтов того времени. Тогда фигура гениального византийца перестанет в глазах ученых нашей эпохи олицетворять собой некий абстрактный «византизм» и, при всей ее исключительности, займет определенное место в истории духовной жизни XI в., а удивительные качества Пселла получат социально-психологическое объяснение.

Пселл был писателем и мыслителем энциклопедического типа. Поэтому доскональное изучение его наследия возможно только стараниями специалистов в разных областях медиевистики. Их усилия не пропадут даром, ибо в византийской литературе было немного фигур такого масштаба, как Михаил Пселл.